

ПЕРФОРМАНС - ЭТНОМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

ЕРПЫЛЕВА Светлана Витальевна –

слушатель магистерской программы Евро пейского университета в Санкт-Петербурге
(E-mail: yerpylovas@gmail.com).

Аннотация: Рассмотрена возможность определения активистского перформанса в качестве "эксперимента" по Гарфинкелю. Разобраны смысл и значение, придаваемые Гарфинкелем эксперименту как инструменту этнометодологического исследования. Установлены связи между гарфинкелевскими экспериментами и перформансами, приведены эмпирические примеры. В заключение обсуждаются преимущества и недостатки положения, в котором оказываются активисты-акционисты как исследователи - этнометодологи.

Ключевые слова: Гарфинкель • эксперимент • перформанс • этнометодология • акционизм • ожидания фоновые

Гарольд Гарфинкель, увлеченный преподаватель, обожал эксперименты на студентах; они были экспериментаторами, а не испытуемыми. Им приходилось, переступая через собственные представления о "нормальном", торговаться за фиксированные цены в супермаркете, приближать лицо к собеседнику на неприлично близкое расстояние, невозмутимо интересоваться значением привычных каждому фраз вроде "как дела?", вести себя с домочадцами как вежливые постояльцы. Иными словами, им было нужно самыми изощренными способами выводить окружающих из себя [Гарфинкель, 2002]. Экспериментаторы получали от учителя инструкции, которым, по возможности, старались следовать - и, таким образом, совершали сознательные операции по манипулированию структурами повседневных действий, в первую очередь, с целью выявления ожиданий и культурных установок окружающих. Этнометодология в чистом виде не стала популярным направлением исследований, однако трудно отыскать социолога, не знакомого с экспериментами Гарфинкеля. Редкий преподаватель курса по социологической теории удержится от того, чтобы не рекомендовать студентам испытать себя в роли экспериментаторов. Нарушение перестает быть ис следовательским инструментом и превращается в тренинг профессионального воображения, мышления и видения социологов-неофитов.

Героями моего рассказа будут не социологи. Гарфинкель назвал бы их практическими методологами-исследователями: они, как и его студенты, экспериментируют с фоновыми ожиданиями окружающих - не добиваясь познавательных эффектов, не тренируя профессиональное мастерство, а, пытаясь менять конститутивные правила игры. Они - активисты, устраивающие интервенции в более или менее замкнутые среды в форме театрализованных акций-перформансов с целью сделать публичным некое политическое сообщение. Могут ли такие акции-нарушения и их последствия предложить эмпирический материал социологам, пополнив "каталог этнометодологических исследований"? Насколько успешны подобные "эксперименты"? К какому знанию они открывают доступ? И что все-таки такое эта этнометодология?

Социальный мир с этнометодологической перспективой. Автор одной из многочисленных российских статей об этнометодологии Т. Сафронова рассказывает историю о коллеге Гарфинкеля - Дэвиде Садноу. Тот в свободное от преподавания время развлекался игрой на рояле. Его тренировки в импровизации привели к тому, что "пальцы стали как бы сами исполнять музыку, а Дэвид Садноу почувствовал себя сторонним наблюдателем" [Сафронова, 2005]. Садноу выпустил книгу под названием "Привычки руки" - по сути, этнометодологическое исследование о музыкальных импровизациях. Книга не пополнила коллекцию научной социологической литературы, оказалась на полках рядом с музыкальными самоучителями и пособиями. Что не расстроило Садноу, напротив, пишет Сафронова, "это самая похвальная из возможных оценок этнометодологического труда" [Там же]. Почему?

Гарфинкель призывает социологов отвлечься от абстрактных теоретических материй и "социальных проблем" и обратить взгляд на то, что ежесекундно происходит вокруг. Его интересует, прежде всего, повседневное взаимодействие; Гарфинкель не говорит ничего принципиально нового после Шюца. Взаимодействие людей друг с другом возможно не из-за того, что они подчиняются установленным правилам или разделяют совместный набор "повседневного" знания [Гарфинкель, 2002]. Напротив, всякая ситуация возможна благодаря методам (отсюда - этнометодология), которыми мы пользуемся "нормальные члены общества" для создания этих ситуаций. Гарфинкель, отдавая дань Дюркгейму (имя его в заглавии одной из книг Гарфинкеля), перевернул его "с ног на голову": задача "не в том, чтобы изучать объективные вещи, а в том, чтобы изучать, как "вещи" становятся "объективными" [Ионин, 2006].

Например, все "нормальные члены общества" разделяют "естественную установку": "всякий человек

считает, полагая при этом, что и другой человек считает так же, и что, если он предполагает это в отношении другого, то и этот другой предполагает то же самое относительно него самого, что...". Таким образом, влияние личных биографических обстоятельств участников взаимодействия на их способность ком петентно осуществлять участие сведен к минимуму - ведь все они разделяют по сути одинаковый набор "фоновых ожиданий" [Гарфинкель, 2002]. Симметричные фоновые ожидания (каждый полагает, что ожидает то, что ожидают все и что все полагают то же самое в отношении него), согласованные друг с другом схемы интерпретации - вот то, что позволяет нам понимать друг друга, а не согласие с набором заранее установленных правил. В конце концов, мы не способны объяснить, по каким правилам после вопроса "как дела?" не следует уточнять, какими делами собеседник интересуется. Это область "невидимого" и "непроговариваемого", однако "понимаемого" каждым из нас. И мы рассчитываем, что то же самое "понимает" другой.

Гарфинкель не пренебрегает использованием термина "правило" - он пишет о базовых правилах игры, которые придают смысл действию и "служат основанием для опознания странного хода" [Гарфинкель, 2009]. Но это не правила наподобие правил дорожного движения, в существовании которых каждый отдает себе отчет. Это именно ожидания - непроговариваемые и не всегда очевидные для тех, кто их разделяет, но обладающие постоянной структурой и определяющие рутинное повседневное взаимодействие.

Естественная установка, фоновые ожидания, принцип "et cetera" были описаны феноменологом Шюцем. Гарфинкеля отличает попытка разработать на основании положений Шюца исследовательскую программу, сделать порядок повседневного взаимодействия важнейшим, если не единственным, объектом эмпирических социологических (вернее сказать, этнометодологических - не каждый социолог посвятит себя изучению "незначительных" и приземленных материй) исследований. Участники повседневных взаимодействий названы Гарфинкелем практическими этнометодологами - у каждого из нас развит практический навык оперирования "этнометодами", мы компетентно участвуем в бесчисленном множестве повседневных ситуаций. Но социолог должен "обращаться с практическими обстоятельствами члена общества... как с предметом, представляющим теоретический интерес, изобретать способы для обнаружения того, что не всегда очевидно практическим этнометодологам и "традиционным" социологам. Гарфинкель предлагает изобретение: чтобы получить доступ к "обыденному знанию повседневных структур" [Гарфинкель, 2003], мы можем намеренно рушить фоновые ожидания, обычно не дающие сбоев; искреннее возмущение "испытуемых", их попытки нормализовать ситуацию, наши собственные переживания - все это обещает удивительные и неожиданные находки [Гарфинкель, 2002]. Какие?

"Кризисный эксперимент" как инструмент исследования. Поскольку осмысленность происходящего вызвана не заранее разделяемыми представлениями, а постоянно производится в процессе взаимодействия, разумно попытаться нарушить этот процесс и посмотреть, что произойдет. «Угроза нормативному порядку событий, а не нарушение "священности" правил является решающей переменной при возникновении возмущения» [Гарфинкель, 2009]. Соответственно, экспериментаторы целятся в фоновые ожидания испытуемых, ставят под вопрос естественную установку повседневной жизни и делают вид, что не знают того, что-должен-знать-каждый-нормальный-член-общества. Они намеренно и уверенно меняют происходящие события так, чтобы те нарушали ожидания окружающих [Гарфинкель, 2002]. Экспериментаторы добиваются того, чтобы способы, посредством которых члены общества управляют своими действиями, стали видимыми. Для этого они создают проблему в этих способах и получают долгожданный доступ "к здравомысленным представлениям и здравомысленным действиям" [Там же].

"Достается" в таких экспериментах и испытуемым, и экспериментаторам. Как может чувствовать себя мать, сын которой при её подруге вежливо интересуется, не против ли она, если он возьмет что-то из холодильника? Конечно, раздраженной и обиженной. Гарфинкель предупреждает о возможности "социально структурированных эффектов нервозности, стыда, вины, негодования". Мало того, "вызвать беспокойство" - цель таких экспериментов: эти эффекты показывают "то, как обычно и рутинно воспроизводятся и поддерживаются структуры повседневных действий" [Гарфинкель, 2002]. Гарфинкель с некоторым любопытством описывает обстоятельства, в которых оказывались испытуемые его студентов: "Испытуемый оказывается не в состоянии приписать происходящему статус типичного события. Ему не удается ни вынести суждения о происходящем на основе сравнения его с чем-то похожим, ни связать текущие события с похожим порядком событий, встречающимся ему прежде. Он не может указать условия, при которых подобные события могли бы повториться, не говоря уже о способности опознать их "с первого взгляда". Он не способен упорядочить события в соответствии с отношением "цели-средства". Подорвана его убежденность в том, что происходящее всегда освящено моральным авторитетом знакомого ему общества. "... В идеальном случае поведение участников по отношению к такой бессмысленной ситуации должно проявлять их замешательство, неопределенность, внутренние конфликты, психосоциальную изоляцию, острое и ненаправленное беспокойство, а так же различные симптомы острой деперсонализации" [Гарфинкель, 2002].

Чтобы выбраться из непривлекательных обстоятельств, испытуемый пытается нормализовать

ситуацию, выбрать разумную интерпретацию происходящего, восста новить "воспринимаемо нормальные показатели типичности, сопоставимости, вероятности, каузальной текстуры, инструментальной эффективности и моральной требуемости" [Гарфинкель, 2009] - в большинстве случаев безуспешно. Чаще всего ситуация более или менее нормализуется после разъяснений студента-экспериментатора. Правда, даже тогда, рассказывает Гарфинкель, цитируя студенческие отчеты, мало кто находит ситуацию забавной или поучительной: "не надо больше никаких экспериментов, - сказала сестра одного из студентов-социологов. - Мы, знаешь ли, не крысы" [Гарфинкель, 2002].

Экспериментаторам приходится не сладко не только из-за угрозы испортить от ношения с близкими. Социолог - нормальный член общества, как и всякий другой. Ему непросто намеренно нарушать собственные фоновые ожидания. Конечно, для Гарфинкеля переживания и ощущения студентов-экспериментаторов составляли предмет вторичного любопытства. В конце концов, они не находились в условиях чистого эксперимента, подобно испытуемым, которые были растеряны, не могли придать смысл происходящему. Отдельные исследователи находили наиболее познавательным с социологической точки зрения именно этот момент. А. Бикбов, размышляя о контролируемом нарушении, призывает "исследовать социальный порядок, превратив в основной инструмент исследования не способность наблюдателя к наблюдению, а его собственное чувство порядка, очевидное и усвоенное вплоть до телесных ощущений" [Бикбов, 2007]. Интерпретация Сафроновой, полагающей, что "так называемые кризисные эксперименты не были материалом исследования, это были упражнения, направленные на стимуляцию самонаблюдения, первого эта па этнометодологического исследования, о котором речь пойдет ниже" [Сафронова, 2005], сомнительна. Чувство порядка или самонаблюдения исследователя Гарфинкеля, конечно, интересовало. Но, в первую очередь, экспериментатор, наблюдая и фиксируя поведение испытуемого, получал познавательный эффект за счет нарушения конститутивных ожиданий испытуемых; их фоновые ожидания, схемы интерпретации давали сбой прежде всего потому, что происходящее переставало иметь всякий смысл.

Каждый эксперимент Гарфинкеля, с одной стороны, подтверждал разделяемые им вслед за Шюцем теоретические представления о структуре повседневного действия и призван был демонстрировать, что "события, нарушающие конститутивные ожидания, умножают аномийные черты среды игровых событий" [Гарфинкель, 2009]. С другой стороны, всякий эксперимент пополнял этнометодологическую копилку новым знанием, поскольку эффекты от нарушения "варьируются в прямой зависимости от степени мотивированного согласия с конститутивным порядком игры", а значит, различны для различных сред [Гарфинкель, 2009]. "Чем более жестким является представление члена сообщества о том, что всякий-нормальный-человек-обязательно-знает, тем сильнее будет его замешательство, если при описании им своих реальных жизненных обстоятельств "естественные факты жизни" окажутся поставленными под сомнение" [Гарфинкель, 2002]. Жесткость таких представлений (не зависящая, настаивает Гарфинкель, от биографических обстоятельств участников) будет не одинакова для участников взаимодействия в родительском доме, магазине, улице или студенческой аудитории.

Ещё один парадокс, на который обращает внимание Гарфинкель, - возможность изменения конститутивных правил события. "Беспорядок заключается в следующем: действие, нарушающее базовое правило, побуждает трактовать это действие в качестве конститутивного для порядка игры. Однако приписывание ему конститутивного акцента - синоним преобразования правил игры. Говоря социологическим языком, оно побуждает к переопределению "социальной реальности" или "нормальной игры" [Гарфинкель, 2009]. Гарфинкель не отрицает напрямую возможность такого преобразования, однако ни один из описываемых им экспериментов не приводит к изменению "правил игры": ситуация вызывает возмущение у испытуемого, смешанные эмоциональные переживания у экспериментатора, но после разъяснений нормализуется. Бикбов, интерпретируя Гарфинкеля и обращаясь к опыту политических активистов, делает ставку на подобное изменение [Бикбов, 2007]. Но активисты, если и стремятся преобразовать "правила игры", то редко в отношении конкретного порядка взаимодействия. Таким образом, реорганизация конститутивных ожиданий, о которой неопределенно высказался Гарфинкель, не была предметом интереса последнего - и я оставляю её возможность за рамками статьи.

Зато с определенностью, продиктованной, вероятно, практическими целями. Гарфинкель описывает условия, в которых должен разворачиваться "кризисный эксперимент" и ожидания, на нарушения которых он направлен. Среди ожиданий он выделяет следующие: 1. Нарушение совпадения релевантностей (эксперимент "как дела"). 2. Нарушение взаимозаменяемости точек зрения (эксперимент "покупатель как продавец"). 3. Нарушение ожидания того, что знание отношений взаимодействия является общепринятой схемой коммуникации (эксперимент "гости"). 4. Нарушение схватывания "того, что известно каждому" как правильных оснований для действия в реальном социальном мире (эксперимент "собеседование в медицинский институт") [Гарфинкель, 2009].

Активисты в моем рассказе имеют дело с нарушением ожидания общепринятости схем коммуникации. Условия, которые по Гарфинкелю необходимы для корректного эксперимента, имеют для нас большое значение: "Участник не сможет обратить ситуацию в игру, шутку, эксперимент, розыгрыш и

т.п., у него не будет времени на выработку нового определения своих обстоятельств; он будет лишен консенсуальной поддержки для альтернативного определения социальной реальности" [Гарфинкель, 2002].
Ниже я покажу, удастся ли активистам хотя бы частично выполнить эти условия.

Активисты-акционисты как этнометодологи-исследователи. Практику не каждого активиста можно описать в терминах сознательных манипуляций фоновыми ожиданиями окружающих. Например, пикет, демонстрация, митинг - традиционная политическая практика - если и требуют от неопитов усилия по преодолению собственных установок (представления, чего не следует делать приличному человеку), в итоге, отвечают "непроговариваемым" ожиданиям самих участников и сторонников наблюдателей. Митинг в центре города, способный нарушить общественный порядок, вряд ли способен сильно потревожить порядок взаимодействия членов общества в смысле Гарфинкеля. Но акции-перформансы - нечто иное. Участники их выбирают форму театрализованного представления для того, чтобы привлечь внимание к волнующей их проблеме. Обычно перформанс осуществляется вместе с интервенцией в среду, которая породила источник недовольства, или среду, на обитателях которой, по мнению активистов, эта проблема отразится. Перформанс исполняется в радикальной форме и одновременно в форме, которая не сразу позволяет распознать в его участниках чужаков - что привело бы к выдворению активистов из выбранной ими среды и преждевременно прекращению акции. Так, герои этой статьи, выступая с критикой клерикализации образования, в нарядах "антиклерикальных персонажей" посещали религиозную конференцию в университете. Критикуя коммодификацию (превращение в товар) любовных отношений, они срывали брачную церемонию, предварительно поставив печати в паспорте и имитируя готовность "играть по правилам".

Интервенция осуществлялась в одну из сфер повседневного взаимодействия. Ее участники подчинялись базовым конститутивным правилам, обладали естественной установкой по отношению друг к другу и взаимно разделяемыми фоновыми ожиданиями. Активисты своим поведением вызвали у окружающих, особенно в начале акции, растерянность, гнев, раздражение. Они, подобно студентам Гарфинкеля, делали вид, что не знают того, что должен знать каждый нормальный член общества. Как студенты, изображавшие "постояльцев" перед домохозяйками, они «относились к важным для всех "очевидным", "нормальным" и "реальным" обстоятельствам так, как будто для них это вовсе не так» [Гарфинкель, 2002].

Вместе с тем, будучи сами такими же нормальными членами общества, они испытывали дискомфорт от того, что "партнеры обращались с ними без учета роли, которую они пытались играть" [Гарфинкель, 2002], то есть не распознавали (до определенного момента) в них активистов, а полагали кем-то вроде не-нормальных членов общества. Подобная практика напоминает эксперимент, который предложил Гарфинкель своим студентам. Они должны были мысленно представить, что вернулись с занятий не домой, а зашли в гости к малознакомым людям. Так привычная повседневная ситуация превращалась для студентов в ситуацию, в которой нет ничего очевидного. Эксперимент открывал студентам - а после чтения их отчетов Гарфинкелю - доступ к «ожиданиям, составляющим "видимый, но не замечаемый" фон взаимопонимания» и показывал "как они связаны с опознанием людьми устоявшихся способов межличностных взаимодействий" [Гарфинкель, 2002]. Неочевидные элементы привычных ситуаций могут замечать активисты, вынужденные смотреть на ситуации, например, конференции (которые, будучи студентами и молодыми учеными, привыкли посещать) с перспективы ненормального члена общества.

"Испытуемые" активистов - публика, свидетели акций-перформансов - чаще всего не имели возможности, по условиям, поставленным Гарфинкелем, обратить происходящее в шутку: слишком серьезными казались последствия нарушения. Растерянность в первый момент не позволяла "испытуемым" выработать новое определение обстоятельств или придать им смысл. Важно, что порядок, по Гарфинкелю, в принципе, допускает сомнение. Однако, чтобы сомнение в очевидном было легитимно, то бы "это отношение рассматривалось по правилу сомнения, требуется обосновать необходимость и мотивы использования этого правила" [Гарфинкель, 2002]. Как только в активистах узнают активистов, "эксперимент" в строгом смысле заканчивается - их сомнение становится понятным для "испытуемых".

Итак, задачи экспериментаторов - "распознать в различных полях игровых событий, т.е. в различных играх, те события, нарушение которых будет вести к идентичным последствиям, т.е., хочется надеяться, к замешательству [Гарфинкель, 2009]. Я рассмотрю три "поля игровых событий", в которых действовали активисты: конференцию, ЗАГС и уличную площадь. Я использовала отчеты активистов о проведенных мероприятиях, фото- и видеохронику интервенций, собственные воспоминания участника двух из трех описываемых акций. В каждом из трех случаев, различающихся степенью приверженности участников к пониманию своих "естественных фактов жизни" [Гарфинкель, 2002], требовалось пренебречь некоторыми обстоятельствами, чтобы вызвать разные реакции "испытуемых". Однако социально структурированные эмоциональные эффекты - следствия "кризисных экспериментов" - возникали везде.

Конференция. Объектом выступления активистов против клерикализации образования стала конференция со священнослужителями в качестве докладчиков на одном из факультетов крупнейшего университета Санкт-Петербурга. Активисты намеревались посетить конференцию в нарядах

"антиклерикальных персонажей", планировали ответить "карнавальным анти-шабашем" на "подобный шабаш в стенах университета"¹. Акция должна была завершиться распространением листовок, разъясняющим смысл произошедшего и недовольства активистов.

Эксперимент № 1. Экспериментаторы, формально не нарушая общественный по рядок, но выглядя "несоответствующим" событию образом, должны были пересекать порог конференц-зала, где каждый нормальный член общества обладает определенными ожиданиями того, что он-может-делать-на-конференции и ожидает, что другие ожидают от него того же, что он ожидает от них. Активисты предполагают заходить в зал по очереди, с трехминутным перерывом, наблюдая каждый раз реакцию окружающих. Как только администрация оказалась бы способной распознать "провокацию", эксперимент считался бы завершенным.

Результаты. В отчете экспериментаторы пишут: "На доклад иеромонаха Филип па (Рябых) в режиме опоздания явились следующие персонажи: гопник с пивком и семками, б...ди на 12-сантиметровых каблуках, беременная гомосексуальная пара, шахидка, сатанистка и черти". Ещё один герой - "девочка-ботан, нравственно озабоченная и по всей видимости воцерковлённая", которая "до последней минуты не вызвала подозрения, постоянно перебивая доклад клерикала, ему поддакивая". Растерянность окружающих стала заметна после появления второго персонажа: возникновение первого сочли допустимой случайностью. Растерянность публики граничила с любопытством - можно предположить, что ожидания любой публики, даже публики научной конференции, включают в себя ожидания "зрелища". Растерянность организаторов и докладчиков в президиуме была "чистой": они выглядели сбитыми с толку, напуганными, их схемы интерпретации были нарушены - с одной стороны, не происходило ничего "противозаконного", с другой - так не должно было быть. Иеромонах, выступавший с докладом во время разворачивающегося перформанса, дольше всех не проявлял признаков беспокойства, продолжая зачитывать подготовленный текст. Вероятно, шум и движения в зале не противоречили его представлениям о нормальном течении события. Первые смущения священника вызвали реплики персонажа-"ботана"; он, с одной стороны одобрял услышанное, с другой - его громкие реплики, нарушающие стройную речь докладчика, не согласовывались с представлением о том, как должны вести себя люди, согласные с иеромонахом. У докладчика возникли проблемы с интерпретацией происходящего, он слегка сбился и продолжил менее уверенно. Появление на сцене "беременной гомосексуальной пары" приковало всеобщее внимание к активистам. Растерянность организаторов начала превращаться в злость и раздражение. Но на фотографии они ещё смотрят удивленно - объяснения происходящему пока нет. Выход проституток "на 12-сантиметровых каблуках" подводит к завершению эксперимента: если публике и не удалось распознать в активистах активистов, ей стало понятно: происходит организованное действие. Интерпретация найдена, сдерживаемые эмоции вырываются на поверхность, несмотря на то, что активисты не нарушали течения конференции, они выдворены из зала с помощью университетских охранников - только за нарушение фоновых ожиданий.

Переживания участников акции, испытавших обращение к себе "без учета роли, которую ты пытаешься играть", также сообщают немало о структурах повседневного взаимодействия. Будучи участником интервенции на конференцию, я хорошо помню предваряющие "эксперимент" ощущения: страх открыть дверь и войти внутрь, не смотря на многочисленные "мысленные" репетиции этого действия, боязнь привлечь к себе всеобщее внимание, несмотря на то, что привлечение внимания и было моей задачей. Дорога от двери до первого ряда конференц-зала казалась необычайно длинной, я заметила нечто "видимое, но незамечаемое" прежде: почти все слушатели оборачиваются и провожают взглядом опаздывающего участника. Однако, начав "играть роль", я ощутила эффект, описанный студентами Гарфинкеля - я стала испытывать эмоции, предполагаемые ролью, - ушли страх, неуверенность и смущение, я начала получать удовольствие от роли ненормального члена общества (об этом не упоминал Гарфинкель, цитируя студенческие отчеты): неуверенность сменялась веселой злостью.

ЗАГС. Акция-Перформанс в Калининградском Дворце бракосочетаний задумывалась как критика опошления атрибутов церемонии брака коммерческими инфраструктурами². Подготавливая акцию, её участники демонстрировали готовность "играть по правилам". Они подали заявление в орган записи актов гражданского состояния, "невеста" облачилась в белое платье, "жених" и "гости" - в праздничные костюмы, штампы в паспортах были поставлены за десять минут до начала церемонии. Активисты намечали сорвать церемонию "в самый ответственный момент" - громко произнести "нет" в ответ на вопрос о согласии на вступление в брак.

Эксперимент № 2. Экспериментаторы должны были, предварительно подтвердив свою идентичность как нормальных членов общества, неожиданно повести себя непредсказуемым образом, нарушив рутинное течение события. Они оставили испытуемых в меньшинстве, лишив их возможности обратиться к присутствующим за разъяснением ситуации и покинуть пространство эксперимента.

Результаты. Сбой в рутинном течении взаимодействия сопровождается не более чем пятисекундной

¹ Здесь и далее использованы материалы, опубликованные активистами в Живом Журнале. Акция "Лечить православие головного мозга". URL: <http://gadkaya-zebra.livejournal.com/25054.html>. 21.12.2010.

² Здесь и далее "Антибрачная акция в Калининграде". URL: <http://community.livejournal.com/newstreetuniver.34271.htm>. 21.10.2010.

растерянностью ведущей-испытуемого. У неё нет возможности объяснить себе происходящее: предварительная демонстрация "серьезности намерений", реальное заключение брака не позволяет интерпретировать происходящее как "провокацию". Тем не менее ведущая быстро справляется с растерянностью и официальным тоном призывает врачующихся к порядку. Служащие пытаются нормализовать ситуацию, делая происходящее как можно менее заметным: дают сигнал играть свадебный марш, заглушая голоса активистов. Ведущая призывает к порядку: "Уважаемые гости, мы вынуждены прервать регистрацию брака". Интонации не отличаются от тех, с которыми она рассказывала, что семья - самое ценное в современном обществе. В перерывах между призывами ведущей служащие продолжают стоять в застывших позах у стола регистрации. Они растеряны, но позиция, которую они занимают, не вызывает беспокойства. В завершение испытуемая сообщает: "Дорогие друзья, мы вынуждены будем вызвать охрану". Драка "брачующихся", хор "гостей"-активистов - все это должно было сделать ситуацию объяснимой для испытуемых с некоего момента. Но ведущая продолжает использовать официальные обороты речи в обращении к гостям, которые уже выдали себя. Несоответствующее обстоятельству поведение вызывает растерянность испытуемой не меньше, чем это бы сделало открытое проявление гнева или раздражения. Однако оно интересно как нетипичное для людей в ситуации нарушения фоновых ожиданий.

Площадь. Активистами был задуман театрализованный феминистский перформанс на площади перед супермаркетом, с целью протеста против коммерциализации любовных отношений³. Девушки использовали образ шахидки, "вывернув" его наизнанку. Переодевшись шахидками, активистки планировали привлечь внимание уличной публики несложной хореографией, манипуляциями с "гламурными" журналами и феминистскими лозунгами. Окончанием акции должно было стать растягивание баннера с лозунгом "Отношения должны строиться на терроре, если не на страсти".

Эксперимент № 3. Экспериментаторы намеревались произвести нарушение в рутинном течении событий на площади. Внешне экспериментаторы походили на девушек-мусульманок, но сходство не должно было быть полным (отдельные элементы гардероба "выбивались" из традиционного образа) - что делало их узнавание и размещение в привычной системе координат проблематичным. Представление о поведении девушки-мусульманки в публичном месте с трудом согласовывалось с тем, что пришлось наблюдать прохожим.

Результаты. Реакции оказавшихся на месте эксперимента разделились на два типа: одни, столкнувшись с поломкой повседневности, пытались покинуть пространство эксперимента, ускоряли шаг и исчезали; другие останавливались, всматривались в происходящее, пытались интерпретировать его и придать ему смысл. Растерянности на лицах испытуемых почти не замечалось - подавляющей реакцией было любопытство. Кое-кто, испугавшись "шахидок", посмешился, один демонстративно изобразил звонок в ФСБ. Заметно раздражение и гнев демонстрировал один из испытуемых - охранник близлежащего супермаркета. Он сильнее прочих оказался зависим от собственного ожидания того, что все-знают-что-на-площади-должен-быть-порядок и поспешил нормализовать ситуацию физическим вмешательством в неё. После ряда согласованных действий экспериментаторов, выдавших в них акционистов, испытуемые объяснили для себя происходящее как представление. У большинства исчезли проявления растерянности, если таковые были, испытуемые превратились в благодушную публику. Лишь охранник, справившись с растерянностью, дал выход эмоциям, хотя действие происходило не на охраняемой им территории, а общественный порядок допускает театрализованные действия на площади, испытуемый считал происходящее недопустимым и приложил усилия, чтобы нормализовать ситуацию согласно своим представлениям о нормальном ходе действия.

Социально структурированные эффекты растерянности и смущения были у испытуемых в каждом из "игровых пространств". Но степень растерянности и её трансформация различались. Интересно, что вне зависимости от события и пространства смущение публики сменялось любопытством и внимательным наблюдением за происходящим; должностные лица давали волю гневу, включались в действие и демонстрировали эмоциональную обеспокоенность даже после окончания эксперимента. Они пытались нормализовать ситуацию путем непосредственного вмешательства. Эта реакция проявлялась независимо от того, задевало ли поведение экспериментаторов сферу их компетенции (случай охранника супермаркета). Испытуемые, занимающие должностные позиции в рамках "большого" социального порядка, сказали бы Гарфинкель, в наибольшей степени соглашались "с конститутивным порядком событий повседневной жизни как схемой приписывания наблюдаемым проявлением статуса событий в воспринимаемой нормальной среде" [Гарфинкель, 2009]. Кроме того, эксперименты акционистов показывают, что фоновые ожидания участников рутинных взаимодействий на уличной площади в гораздо большей степени предполагают возможность нарушения рутины (т.е. включают в себя ожидания "зрелища"), чем ожидания нормальных членов общества, взаимодействующих в пространственно закрытых средах.

Активисты в роли экспериментаторов это не студенты Гарфинкеля. Дело не только в том, что у них

³ Здесь и далее: «Почём гламур для народа? Акция "Феминизм - это переизобретение любви!">». URL: <http://gadkaya-zebra.iivejournal.com/8715.html>. 21.10.2010.

нет мудрого наставника или испытуемые эксперимента способны бежать с "поля боя". Активисты не взаимодействуют напрямую с подопытными, подобно ученикам Гарфинкеля. Испытуемые не сообщают ничего о своей реакции и не пытаются добиться у активистов объяснений. Таким образом, экспериментаторы получают доступ лишь к очевидным невооруженному взгляду проявлениям беспокойства. Вроде чем, ситуация предлагает кое-какие преимущества экспериментаторам-исследователям. Студенты-этнометодологи вынуждены были всякий раз признаваться окружающим в своих исследовательских целях. Что бы ни чувствовали в этот момент бывшие испытуемые - они вынуждены были признать нормализацию ситуации и вернуться к нормальному течению жизни, подавив неприятные эмоции. Активисты не раскрывали карты никогда - их карты были раскрыты с самого начала. Им не приходилось признаваться в эксперименте - их действия не являлись экспериментом, обладая экспериментальным эффектом; они не оправдывали нарушение исследовательскими целями, не будучи исследователями, но испытывая рутинные течения повседневных взаимодействий. Растерянность, смущение, беспокойство, гнев, которые испытуемые студентов-этнометодологов вынуждены были подавлять, находили законченное выражение, придавая "экспериментам" активистов завершенность, что происходит, когда ненормальный член общества так и не становится полностью нормальным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бикбов А. О возможности контролируемого нарушения // Логос. 2007. № 3.

Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. Том 2. № 1. Перевод: *Garfinkel G.* Studien in Ethnomethodology. Prentice Hall Inc., New Jersey, 1967. Chapter 2. Studies of the routine grounds of everyday activities.

Гарфинкель Г. Концентрация и экспериментальные исследования "доверия" как условия стабильных согласованных действий // Социологическое обозрение. 2009. Том 8. № 1. Перевод: *Garfinkel G.* A conception of, and experiments with, "trust" as a condition of stable concerted actions // Motivation and Social Interaction: Cognitive Determinants / *Harvey O.J.* (Ed.). New York: Ronald, 1963.

Гарфинкель Г. Обыденное знание социальных структур: документальный метод интерпретации в профессиональном и непрофессиональном поиске фактов // Социологическое обозрение. 2003. Том 3. № 1. Перевод: *Garfinkel G.* Studien in Ethnomethodology. Prentice Hall Inc., New Jersey, 1967. Chapter 3. Common sense knowledge of social structures: the documentary method of interpretation in lay and professional fact-finding.

Ионин Л.Г. Социология как non-fiction. О развитии этнометодологии // Социологический журнал. 2006. № 1-2.

Сафронова Т.В. Непонимающая социология: история из жизни этнометодологов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Том 8. № 4.